

Глава 34. Семнадцать

— Маленький даоси Су, а мы снова встретились, — даоси Вань без малейшей опаски выступил из густого тумана и встал прямо перед Су Янем и Пэй Цзинсином. Он сокрушённо цокнул языком: — Я ещё тогда понял, что ты малый непростой. Жаль, не вышло прикончить тебя на месте.

Уловив в голосе чернеца неприкрытую угрозу, Пэй Цзинсин сделал шаг вперёд, заслоняя собой Су Яня, и с сухим шорохом вытянул из ножен Меч Хэн.

Увидев, как тот напрягся, даоси Вань лишь снисходительно махнул рукой:

— Стоит ли так горячиться, уличный посол Пэй? Будьте покойны, вашего даоса я пока не трону. Так что можете расслабиться.

Су Янь невольно прижал ладонь к груди. Рана, оставленная Ванем, давно затянулась, не оставив даже рубца, но при одном взгляде на этого человека там фантомно заныло, словно старый порез открылся вновь.

Глубоко вздохнув, юноша спросил:

— Что тебе нужно?

— Да пустяк, — ухмыльнулся чернец. — Всего лишь Одеяние Сотни птиц, поклоняющихся фениксу, что сейчас у тебя в руках.

Су Янь даже не шелохнулся. Понимая, что юноша по-прежнему ждёт удара, Вань решил немного разрядить обстановку и с любопытством спросил:

— И всё же, как ты меня раскусил?

Этим вопросом задавался и Пэй Цзинсин. Однако в их положении оборачиваться было верхом глупости, поэтому уличный посол лишь наострил уши, ловя каждое слово.

Су Янь перевёл взгляд на широкую спину заслонявшего его друга и спокойно заговорил:

— В тот день я заметил в иллюзии Сяньну остатки древнего плетения. Вернувшись, я полистал старые трактаты и понял: этот ритуал предназначен для удержания душ. При жизни Сяньну была наложницей низложенного наследного принца. После его поражения её убили, а кости тайно зарыли на дне озера в его бывшей усадьбе. И вдруг её дух кто-то пробуждает, велит любой ценой добыть Одеяние Сотни птиц, поклоняющихся фениксу. Очевидно, за этим стоит человек, верный покойному наследнику. А поскольку она упоминала, что ты был его

прихвостнем, сопоставить факты труда не составило.

Вань довольно, почти по-отечески улыбнулся. Он несколько раз хлопнул в ладоши, выражая искреннее восхищение.

— Какое счастье, что я тогда пощадил тебя, маленький даоси Су! Скажи, не хочешь ли ты примкнуть ко мне? Нам суждено вершить великие дела.

Но прежде чем Су Янь успел раскрыть рот, Пэй Цзинсин ядовито усмехнулся:

— Великие дела? Ты про убийства невинных людей?

Даоси даже не нахмурился — лишь сокрушённо покачал головой, точно учитель перед неразумным дитяткой:

— Кто замышляет великое, не разменивается на мелочи. Всё, что я делаю — ради его высочества наследного принца.

— Твой принц сгинул три десятка лет назад после разгрома его мятежа, — отрезал уличный посланец. — Будь ты поумнее, давно бы залёг на дно. Глядишь, и дожил бы свой век в тепле.

Чернец снисходительно рассмеялся:

— О Пэй, уличный посланец... Разница между мной и вами — как между богами и жалкими смертными. Куда червям понять помыслы небожителей?

Цзинсин не собирался тратить время на пустую болтовню. Он слегка повёл клинком, заставив сталь хищно блеснуть в тумане.

— Сейчас и проверим, много ли в тебе божественного, ублюдок.

Чернец фыркнул, презрительно окинув стражника взглядом:

— Моё могущество тебя не касается. Куда важнее то, что решит наш юный друг.

Су Янь сделал шаг вперёд, ровняясь с другом. Незаметно подмигнув ему, мол, «не горячись», он развернул парчовое Одеяние Сотни птиц, поклоняющихся фениксу и ровным голосом произнёс:

— Сними с меня проклятие, и вещь твоя.

О сотрудничестве, разумеется, не могло быть и речи.

Вань притворно вздохнул, сокрушаясь:

— Так значит, ты отказываешься от моей дружбы? Какая досада.

Су Янь остался непреклонен:

— Сначала проклятие. Снимешь — забирай парчу.

Старик тяжело вздохнул, уступив. Его пальцы мгновенно сплелись в сложную печать перед грудью, а губы беззвучно зашевелились, заклиная невидимые силы.

Плечо Су Яня обожгло резкой вспышкой боли. Отдёрнув широкий рукав даосского платья, он взглянул на предплечье — багровая нить проклятия бесследно растворилась, оставив чистую кожу.

— Ну вот и ладошки, — ухмыльнулся Вань, протягивая к нему раскрытую ладонь. — Долг платежом красен. Черёд маленького даоси держать своё слово.

Юноша не стал юлить. Развернувшись, он швырнул драгоценное одеяние чернецу.

— Мы квиты.

Вань поймал сверкающую ткань, придирчиво осмотрел швы и узоры и лишь после этого довольно кивнул:

— А ты держишь слово, малый. Куда честнее моего паршивого младшего братца.

Пэй Цзинсин, не убирая меча, презрительно сплюнул под ноги:

— И уж точно чище тебя, старый хрыч.

Чернец на миг осёкся, а затем лишь весело покачал головой:

— Какая мелочная злопамятность, уличный посол. Не по-мужски это, право слово.

— Я лишь называю вещи своими именами, — холодно парировал Цзинсин.

Бережно свернув Одеяние Сотни птиц, поклоняющихся фениксу, Вань спрятал его в рукав и вежливо поклонился обоим:

— Дело сделано, мне пора честь знать. До скорой встречи, господа.

— Даоси Вань! — внезапно подала голос Сяньну, до этого безмолвно застывшая в стороне. — А как же его высочество? Где наследный принц?

— Наследный принц? — Старик немигающе уставился на призрак женщины. На его лице отразилось мимолётное раздумье. — Его высочество ждёт у Жёлтого источника вот уже тридцать лет. Пора и тебе, Сяньну, составить ему компанию.

Поняв, к чему клонит чернец, Сяньну в ужасе отпрянула и закричала:

— Нет! Пощадите, даоси Вань! Умоляю! Я не хочу исчезать! Не хочу!

— Ну-ну, полно тебе, — ласково, точно убаюкивая ребёнка, прошептал Вань. — Ты ведь давно мертва, глупая. Обещаю, больно не будет. Его высочество так баловал тебя при жизни... Неужели теперь ты откажешься послужить ему напоследок?

— Но я ведь выдала вам тайну нашей Обители! Я сделала всё, что могла! — Призрак забился в рыданиях, её пустые глазницы расширились от отчаяния. — Из-за меня души моих соплеменников не могут вернуться в родные края, они обречены на вечные муки по воле разгневанных небес! Я грешница, великая грешница! Ради принца, ради вас всех я предала собственную кровь! Чего ещё вы от меня требуете?!

Вань безучастно наблюдал за её истерикой.

— Его высочество рождён править Поднебесной, — сухо обронил он. — Жизни кучки дикарей — ничтожная плата за величие империи. О чём тут лить слёзы? Когда законный владыка взойдёт на престол, твой народ прославят как верных сподвижников. Ты станешь спасительницей своего племени.

Женщина застыла, уставившись на него сквозь слёзы:

— Воцарится?.. Но ведь принц... ведь его давно убили!

Вань медленно поднял правую руку. Два уцелевших пальца зависли над макушкой призрака.

— Спросишь об этом у него самого, — тихо произнёс он.

Пальцы резко опустились, пронзая призрачную плоть. Сяньну была лишь бесплотным духом, поэтому удар не оставил кровавых ран, но тонкая духовная связь лопнула. Несчастная наложница беззвучно раскрыла рот в немом крике, её очертания подёрнулись дымкой, истончились и безвозвратно растаяли в холодном ночном воздухе.

Со смертью хозяйки морок развеялся, явив реальный мир. Пруды и рощи усадьбы князя Цзиня предстали в своём истинном виде. В этот самый момент из-за поворота дорожки вывернул дозор княжеских дружинников. Заметив у кромки воды три тёмные фигуры, старший караула выхватил клинок:

— Стой! Кто такие?!

Даоси Вань прижал к груди свёрток с одеянием, оттолкнулся носком сапога от валуна и бесшумным серым коршуном взмыл вверх, легко перемахнув через высоченную стену поместья.

— До скорого, господа! — донёсся из темноты его насмешливый голос.

Пэй Цзинсин среагировал мгновенно. Схватив Су Яня за плечо, он увлёк его за собой в тень деревьев. Огибая пруд, они добежали до глухого участка стены. Цзинсин переплёл пальцы, подставляя ладони юноше:

— Прыгай! — скомандовал он и мощным толчком подбросил даоса вверх, помогая перелезть через ограду.

Сам он уходить не торопился. Оторвав лоскут от подола рубахи, уличный посол быстро повязал его на лицо до самых глаз. Псы князя Цзиня уже настигали его. Цзинсин крутанулся на месте, со звоном отражая первый удар нападавшего стражника, и резким пинком в живот отбросил преследователя назад. Пользуясь секундным замешательством врагов, он вогнал остриё Меча Хэн глубоко в щель между кирпичами стены, опёрся на рукоять и, ловко подтянувшись на сильных руках, перевалился на ту сторону.

Су Янь уже ждал внизу. Приземлившись рядом, Пэй Цзинсин с сухим щелчком вернул клинок в ножны и коротко бросил:

— Бежим!

В поместье князя Цзиня выли рожки, гремели доспехи и кричали слуги, но погоня опоздала. Цзинсин знал лабиринты Сицзина как свои пять пальцев. Спустя пару минут петляний по тёмным переулкам он затащил Су Яня в глухой, заваленный хламом тупик.

Сорвав с лица маску, Пэй Цзинсин запихал её за пазуху и досадно сплюнул:

— Упустили гада!

Но Су Янь оставался на удивление невозмутим.

— Не переживай. Он объявится.

Уличный посол удивлённо приподнял брови:

— Откуда такая уверенность?

— Одевание Сотни птиц, поклоняющихся фениксу нужно ему не для красоты, — пояснил даоси.

— Его затея явно связана с низложенным принцем. К тому же он изо всех сил пытается переманить меня на свою сторону. Значит, я ему для чего-то необходим.

Цзинсин задумчиво кивнул, признавая его правоту:

— Верно мыслишь. В то кровавое лето тридцать лет назад по делу наследника выкосили десятки тысяч жизней. Даже если кто-то из его сторонников уцелел, их единицы.

Раскидываться союзниками они не могут.

Страж нахмурился, с тревогой глядя на юношу:

— И всё же побереги себя. Если почувешь неладное — перебирайся ко мне в усадьбу. Вместе отмахаемся.

Су Янь на мгновение задумался, но мягко отказался:

— Спасибо, но в храме Высшего Таинства сейчас дежурит дядя Чжоу Юйи. Вряд ли Вань осмелится сунуться туда в одиночку.

Цзинсин смутился, на его щеках проступил едва заметный румянец:

— Да уж, глупость сморозил. Про государственного наставника я и позабыл.

Оба знатно вымокли в княжеском пруду. Теперь, когда адреналин схлынул, сырой ночной ветер безжалостно забирался под промокшую одежду. Мокрые штаны неприятно липли к бёдрам, пробирая до самых костей.

Су Янь передёрнул плечами от холода:

— Предлагаю сначала зайти к тебе. Надо бы переодеться в сухое.

В Сицзине давно объявили комендантский час. Добираться до храма глухими задворками, рискуя нарваться на бдительные разъезды Золотых воронов, было чистым безумием. Куда проще и безопаснее пройти по улицам под крылом самого уличного посла Пэя.

Пэй Цзинсин только этого и ждал.

В конце концов, ему едва исполнилось двадцать лет — самый возраст, чтобы кутить в весёлых компаниях, хвастаться породистыми конями и щеголять дорогими шелками, как подобает сыну знатного рода. Но после рокового похода в Западный край трёхлетней давности прежняя жизнь рассыпалась в прах: одни друзья погибли в бескрайних песках, другие вернулись калеками. Вернувшись в столицу, Цзинсин обрубил все связи со старыми сослуживцами из гвардии наследника, заперевшись в скорлупе одиночества.

Теперь же, когда судьба свела его с Су Янем, в котором он обрёл верного товарища, делившего с ним смертельную опасность, молодой воин дорожил этой дружбой превыше всего.

Тем временем старый даоси Вань, за пазухой которого покоилось заветное Одеяние Сотни птиц, стремительно удалялся от усадьбы князя. Он держал путь на самую окраину Сицзина — в квартал Добродетельного Покоя.

Несколько раз навстречу ему попадались патрули Золотых воронов. Стражники проходили буквально в шаге от нарушителя, но даже не поворачивали голов в его сторону. Разумеется, дело было не в их халатности — просто техника отвода глаз у старого чернеца была куда изощрённее, нежели у юного Су Яня. Пока Вань не выдавал себя движением или дыханием, для простых смертных он оставался невидимым призраком.

Он неторопливо миновал пост городской стражи Квартала Добродетельного Покоя. До заветного убежища оставалось рукой подать, как вдруг за его спиной сухо хрустнула палая листва.

Мгновенно подобравшись, Вань резко крутанулся на каблуках, уходя с линии возможной атаки. Шагнув в тень раскидистого вяза, он взгляделся в полумрак. Перед ним стоял не кто иной, как Государственный наставник Чжоу Юйи!

— Какая встреча, младший брат, — процедил Вань. Внутренне он напрягся как натянутая тетива, но на его лице не дрогнул ни один мускул. Он продолжал улыбаться непринуждённо и даже лениво. — Не знал, что ты любишь ночные прогулки.

— Полно тебе зубы заговаривать, брат, — мягко ответил Государственный наставник. Он вежливо, но ледяно улыбнулся. — Государь повелел мне вернуть Одеяние Сотни птиц, поклоняющихся фениксу. Будь любезен, не доводи до греха, отдай по-хорошему.

— Одевание? — Вань издевательски приподнял бровь. — Наш новоявленный император непомерно жаден. Это сокровище принадлежало истинному наследнику престола, и я верну его законному владельцу.

— Под этим небом нет земли, что не принадлежала бы Сыну Неба, — ровным, почти убаюкивающим тоном возразил Чжоу Юйи. Он по-прежнему невозмутимо улыбался, и это бесило Ваня до глубины души. — Всё, на что упадёт взор государя, принадлежит ему. И только ему.

— Уж тебе ли не знать, какими путями этот выскочка заполучил трон! — выплюнул Вань, теряя самообладание. — Не оступись бы тогда наследник в шаге от победы, сидел бы твой император сейчас в навозной куче, а не во дворце!

Государственный наставник даже глазом не моргнул.

— Позволь напомнить тебе, брат, что история не терпит сослагательного наклонения, — мягко парировал он. — Тот, о ком ты печёшься, лишь низложенный безумец, лишённый прав волей покойного императора. Тридцать лет прошло. Прах давно смешался с землёй. Победитель правит, побеждённый гниёт — таков закон этого мира. Не так ли?

— Ну так попробуй отбери! — взревел Вань, окончательно рассвирепев.

Не теряя ни доли секунды, он рванулся вперёд, стремясь нанести удар первым.

Выдохнув короткое заклятие, чернец изрыгнул струю яростного пламени. В воздухе она мгновенно разрослась, принимая очертания огромного огненного змея. Тварь зашипела, обдавая переулочек нестерпимым жаром, и ринулась на Чжоу Юйи.

Государственный наставник даже не шелохнулся. Плавным, почти ленивым движением он извлёк из рукава ритуальный персиковый меч, очертил им в воздухе ровный круг и резко толкнул ладонью вперёд.

Созданное им лазоревое кольцо, мерцая холодным светом, со свистом полетело навстречу пламени. Оно с точностью ловчего аркана захлестнуло пасть огненного змея и мгновенно стянулось, намертво запечатав её.

Взрыв в воздух, Чжоу Юйи обрушил персиковый клинок прямо на зажатую голову твари.

Огненный змей судорожно забился в путах, свиваясь кольцами и испуская шипящий жалобный писк. С каждым ударом деревянного меча его сияние тускнело, пока чудовищное пламя не рассыпалось горстью безобидных искр, без следа угасших в дорожной пыли.

— Брат мой, ты проиграл с этим фокусом ещё тридцать лет назад, — небрежно бросил Чжоу

Юйи, пряча меч обратно в складки широкого рукава. Он плавно скользнул вперёд, сокращая дистанцию до расстояния вытянутой руки. — Неужели ты думал, что если сделать змея чуть крупнее, это спасёт тебя от расплаты?

— Да как ты... — Вань захлебнулся собственной злобой, не находя слов.

Одним неуловимым движением Чжоу Юйи выдернул у него из-под мышки свёрток с Одеянием, а свободной рукой нанёс хлёсткий удар ладонью прямо в грудь соперника.

Старик успел среагировать в последний миг. Отпрянув назад, он неуклюже повалился на землю и покатился по грязи. Мощный порыв сжатого воздуха с треском разорвал ткань его даосского платья, обнажив исхудалую, покрытую шрамами грудь.

— Твои раны так и не затянулись до конца, — не оборачиваясь, заметил Государственный наставник. Он бережно расправил складки тончайшего шёлка Одеяния. — Перед лицом нашего покойного учителя я поклялся, что если наши пути разойдутся и мы станем врагами, я трижды пощажу твою жизнь. Сегодня был третий раз, брат. Запомни это хорошенько. Ежели осмелишься встать у меня на пути вновь — пеняй на себя. О долге крови я больше не вспомню.

Вань остался лежать в дорожной пыли, раздавленный и опустошённый. В ушах звенело, а перед глазами плыли серые круги. Он даже не заметил, как растаял в ночном тумане силуэт Государственного наставника.

Богомол охотится на цикаду, не ведая об иволге за спиной. Он мнил себя хитрым хищником, забравшим заветную добычу... а оказался лишь глупой жертвой, которую обобрали в один миг.

<http://bllate.org/book/18419/1866340>